ЛЕНИН
В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА

ЛЕНИН
В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА

Сборник воспоминаний

Москва
Издательство
политической
литературы
1986

ББК 13.51
Л45

В сборник включены воспоминания
А. М. Коллонтай, А. С. Бубнова,
И. Ф. Еремеева, А. А. Андреева.

Л45 **Ленин** в Октябрьские дни 1917 года: Сборник воспоминаний.— М.: Политиздат, 1986.— 16 с.

Известные партийные и государственные деятели, соратники В. И. Ленина в своих воспоминаниях пишут о титанической деятельности вождя революции в дни подготовки и победы Октябрьского вооруженного восстания в 1917 году.

Адресуется широкому кругу читателей.

Л $\frac{0103020000—019}{079(02)—87}$ 66—87 ББК 13.51

А. М. Коллонтай

ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Если меня спросят: какой был самый великий, самый памятный час в моей жизни, я, не колеблясь, отвечу: час, в который была провозглашена власть Советов.

Никогда не забыть и ни с чем не сравнить нашей светлой и гордой радости, когда мы услыхали с трибуны II съезда Советов в Смольном простые и величавые слова исторического решения:

«Вся власть переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

Не забыть Владимира Ильича Ленина в тот великий час! Он провозгласил знаменитые первые декреты Советской власти — о мире, о земле. Проницательный, полный энергии и мысли взгляд Ленина был устремлен вперед — он видел то, что мы еще не видели: провозглашаемые декреты в их живом воплощении, будущее, которое предстояло завоевать.

Удивительна, незабываема была эта сосредоточенная и вдохновенная задумчивость Владимира Ильича за столом президиума первого советского законодательного собрания, когда большевики в первые же часы власти начинали социалистическое строительство, строительство нового мира.

...Владимир Ильич прибыл в Смольный в ночь на 25 октября (7 ноября) [1]. Он прибыл из подполья, из Лесного, где по решению партии скрывался от ищеек Керенского.

На следующий день Ленин открыто направился на заседание Петросовета.

Некоторые товарищи пытались удержать Ленина, не допустить его до опасности открытого появления в Совете. Кто это пережил, тот не забудет тех минут напряженнейшего опасения за Ильича.

Но время подполья миновало. Ленин не слушал предостережений. Он даже не возражал нам. Он спешил в Белый зал, где заседал Совет.

---

[1] В. И. Ленин пришел в Смольный вечером 24 октября (6 ноября). *Ред.*

Ленин лучше нас знал настроение пролетарских масс города и деревни, лучше знал фронтовиков, он знал, что его ждут, ждут его решающего выступления.

И вот Ленин в дверях зала.

По залу пронесся шелест голосов: «Ленин!» И восторженные овации депутатов долго не давали ему говорить.

Доклад Владимира Ильича был необычайной силы. Он словно электризовал волю депутатов Совета.

Возвращаясь из зала заседаний, Ильич говорил нам с ласковой усмешкой:

— Вот видите, как депутаты отозвались. А вы еще сомневались.— И он укоризненно качал головой, лукаво косясь в сторону своих ретивых телохранителей. Ленин взял в свои руки непосредственное руководство восстанием.

Помню комнату в Смольном окнами на Неву. Вечер. Темный, октябрьский. С Невы порывами дул шквальный ветер. В комнате тускло светила электрическая лампочка над небольшим квадратным столом. А за столом собрались члены ЦК, избранные на VI съезде партии. Кто-то принес несколько стаканов горячего чаю.

Ленин здесь. Ленин был среди нас. Это давало нам бодрость и уверенность в победе. Ленин спокоен. Ленин тверд. И такая ясность и сила была в его приказаниях, в его действиях, какая бывает у очень опытного капитана в шторм. А шторм был невиданный — шторм величайшей социалистической революции...

Вскоре мы услышали залп «Авроры».

На мою долю выпало счастье и великая честь работать с Лениным в первом Советском правительстве в качестве народного комиссара госпризрения.

Совет Народных Комиссаров в первые недели своего существования собирался в Смольном, на третьем этаже, в угловой комнате, которая называлась «кабинетом Ленина».

Обстановка заседаний Совнаркома была самая деловая, и даже более чем деловая, недостаточно удобная для работы. Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка. Мы, наркомы, сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной. Ближе к окнам стоял столик Н. П. Горбунова, секретаря СНК, который вел протокол. Всякий раз, когда Ленин давал кому-нибудь слово или делал указания Горбунову, ему приходилось оборачиваться. Но переставить стол поудобнее никто не подумал тогда, заняты были большими делами. Не до себя было!..

Приведу один случай: он ярко характеризует быт членов Совнаркома и самого Ленина в те горячие дни.

Это случилось вскоре после закрытия II съезда Советов. Шведские товарищи из Стокгольма прислали Владимиру Ильичу и мне по старой памяти (я во время политической эмиграции работала в Швеции) несколько голов голландского сыра.

Подарок был исключительно своевременный. Помнится, однажды, во время митинга после выступления и яростного политического спора с эсерами, у меня сделалось головокружение.

— Вы больны, товарищ Коллонтай? — спросил один из красногвардейцев, поддерживая меня.

— Нет, скорее, пожалуй, голодна.

Красногвардеец предложил мне тогда рубль — «купить хлебушка», а когда я отказалась, узнал мой адрес, принес хлеб домой и скромно ушел, оставшись неизвестным.

Вот потому-то я, признаюсь, порадовалась возможности угостить сыром Ильича. Глава правительства тоже недоедал наравне с нами.

Перед заседанием СНК я показала круглые красные головы сыра Ильичу. Он забеспокоился, первая его забота была о нас:

— Надо поделить на всех. И Горбунова не забудьте. Пожалуйста, займитесь этим вы.

Ленин ушел в кабинет, а я разложила газеты на столе в смежной проходной комнате, достала нож и стала делить сыр на ужин товарищам.

Мое присутствие, однако, потребовалось на заседании Совета Народных Комиссаров. Я оставила нож и сыр на столе и ушла. Заседание затянулось, как обычно в те дни, до поздней ночи. И я забыла про сыр. Когда же я вернулась, его на месте не оказалось. Нож и газеты, а сыра — ни крошки... За день караульные у дверей сменились много раз. Разделенный на порции и оставленный в этой комнате сыр был принят караульными за паек. И не было ничего удивительного, что в течение дня он был роздан товарищам.

Я вернулась в кабинет к Владимиру Ильичу, он вместе с Горбуновым правил протокол (Ленин всегда так делал; этой исключительной тщательности и точности в работе мы учились у него повседневно).

— Что случилось? — спросил Владимир Ильич. Я рассказала. Он от души рассмеялся.

— А что, сыр был вкусный? — спросил он, искренне смеясь.— Вы так и не попробовали его? Вот это жалко. Но, думаю, беда невелика: не мы, так другие поедят.

Глаза Ильича сияли теплой, ласковой улыбкой: ну что ж, говорил этот незабываемый ленинский взгляд, не наркомов, так бойцов или рабочих угостили сыром, поужинали — и славно!

И Ленин вернулся к чтению протокола, к текущим делам Председателя Совета Народных Комиссаров.

Великий человек продолжал свою титаническую работу по становлению первого в мире Советского государства, работу, которая бессмертной страницей вошла в историю человечества.

Печатается по пятитомному изданию: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1984, т. 2, с. 452—454.

А. С. Бубнов

ЛЕНИН В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

(Несколько воспоминаний)

В этой заметке я хочу записать некоторые воспоминания, рисующие Владимира Ильича в октябрьские дни.

Непосредственно перед переворотом я встречался с Владимиром Ильичем на Выборгской стороне, когда он уже вернулся из Финляндии. Ленин торопил с восстанием, с исключительным вниманием занимался вопросом о соотношении сил в тогдашнем Петрограде и вопросами технической подготовки восстания. 10(23) октября Ленин впервые появился на заседании Центрального Комитета нашей партии (в квартире Суханова). 16(29) октября он присутствовал на заседании Центрального Комитета с рядом приглашенных товарищей в Лесном. Эти два заседания были решающими в том смысле, что они окончательно решили вопрос о восстании. В Смольном Владимир Ильич появился в ночь на 25 октября (7 ноября) [1]. В эту ночь весь Центральный Комитет, Ленин в том числе, ночевал в комнате № 14 в

[1] В. И. Ленин пришел в Смольный вечером 24 октября (6 ноября). *Ред.*

Смольном на полу и на стульях. Владимир Ильич очень торопил со взятием Зимнего и основательно нажимал на всех и каждого, когда не было сообщений о ходе наступления. Утром 26 октября (8 ноября) он первый раз присутствовал на заседании Военно-революционного комитета.

После переворота мы, члены Центрального Комитета, ежедневно, иногда по нескольку раз, встречались с Лениным в Смольном в эти незабываемые дни, когда через Смольный бурно и стремительно катилась громадная революционная волна рабочих, матросов и солдат, а под Петроградом гремели пушки и уже шли авангардные бои, растянувшиеся затем на целых три года ожесточеннейшей гражданской войны.

Ленин тогда был воплощением великой воли этих масс — победить во что бы то ни стало. На заседаниях Центрального Комитета он громил колеблющихся, беспощадно отбрасывая их в сторону. В своем кабинете, как вождь восстания, он спокойно учитывал складывающиеся обстоятельства и твердо направлял дело к победе. В минуты кратковременного отдыха, прогуливаясь по коридору, он оживленно беседовал с товарищами, крепко закидывая руки за спину.

Владимир Ильич в эти дни великого переворота был оживлен, весел, светился весь изнутри каким-то особенным светом, был непоколебим, уверен и тверд.

Из партийных эпизодов того времени я считаю нужным остановиться на одном, а именно на последнем моменте в определении октябрьской линии Центрального Комитета партии, бывшем одновременно и последним этапом в борьбе с выступившими против Октябрьской революции Зиновьевым и Каменевым. После 25—26 октября (7—8 ноября) Викжель начал свою соглашательскую канитель, пытаясь запутать в нее и нас, большевиков.

В № 2 «Бюллетеня ЦК (большевиков)» об этом моменте мы читаем следующее: «Всероссийский союз железнодорожников предъявил требование создать коалиционное социалистическое министерство; в случае отказа враждующих сторон выполнить это требование железнодорожники угрожают всеобщей забастовкой. Образована согласительная комиссия, в которую вошли представители ЦИК, ЦК всех партий, Комитет спасения революции, Союз железнодорожников, Союз почтово-телеграфных служащих». В этой «согласительной комиссии» шли бесконечные разговоры об образовании «социалистического правительства из всех советских партий», продолжавшиеся в течение 30—31 октября и 1 ноября.

Ильичу надоела эта пустяковая канитель, и он твердо решил поставить точку над всеми колебаниями. 2(15) ноября ЦК принимает предложенную Лениным резолюцию, в которой он резко клеймит политику уступок «ультиматумам и угрозам меньшинства Советов» и приглашает «всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства» [1]. Но маловеры, оппортунисты и скептики не вняли голосу Центрального Комитета партии и продолжали попытки вести свою оппортунистическую, помогающую меньшевикам соглашательскую линию. Тогда Ленин 3(16) ноября составил текст заявления в Центральный Комитет, где резко критиковалась политика соглашательства и бесконечных колебаний. Написав его, он приглашал в кабинет к себе отдельно каждого из членов Центрального Комитета, знакомил их с текстом заявления и предлагал подписать его. Под заявлением подписалось большинство членов Центрального Комитета. На ближайшем заседании ЦК, если не ошибаюсь 4(17) ноября, оно было оглашено.

Это заявление обвиняло представителей меньшинства в том, что они «вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии и деморализующую наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходима величайшая твердость и неуклонность».

Далее заявление обвиняет тогдашнюю оппозицию в том, что она «намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции». И, будучи глубоко уверенным в том, что партия единодушно поддержит свой Центральный Комитет, большинство членов Центрального Комитета в своем заявлении писало: «...партия должна решительно предложить представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации. Иного исхода нет и быть не может» [2].

В ответ на это оппозиция не нашла ничего лучшего, как снять с себя звание членов ЦК, и здесь Зиновьев и Каменев, подписавшие заявление о выходе из Центрального Комитета, уже после Октябрьского переворота проделали то же самое, что они сделали до Октября, выступив открыто перед лицом классового врага против решения

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 45, 46. *Ред.*
[2] Там же, с. 47, 48. *Ред.*

Центрального Комитета нашей партии о вооруженном восстании от 10(23) октября того же года.

В октябрьские дни Ленин твердой рукой вел массы к победе, и одновременно он прибегал к самым чрезвычайным мерам против оппортунистов и дезорганизаторов в интересах единства партии и победы революции.

Печатается по пятитомному изданию:
Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине.
М., 1984, т. 2, с. 455—457.

И. Ф. Еремеев

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ У ЛЕНИНА В СМОЛЬНОМ

В 1917 году я работал на Путиловском заводе (ныне Кировском) в Петрограде и состоял в заводском отряде Красной гвардии.

Накануне Октябрьской революции командование Красной гвардии направило нашу путиловскую пулеметную дружину в Смольный. Там нам довелось быть свидетелями и участниками великих исторических событий.

У ворот Смольного и во дворе было уже много красногвардейцев и революционных солдат и матросов. Тут же приказали разгрузиться и нам и занять посты. Расставив и замаскировав пулеметы, мы пошли в здание Смольного и поместились на втором этаже в небольшой комнате, где уже находилось несколько красногвардейцев из других районов. Никакой мебели в этой комнате не было. Одиноко висел на стене телефон. Красногвардейцы из других районов, свободные от дежурства, устраивались на отдых кто как умел, на голом полу, держа винтовки в руках.

В Смольный в это время съезжались со всех концов делегаты II Всероссийского съезда Советов. Особой революционностью отличались делегаты съезда — солдаты, прибывшие с фронта. Все они проклинали войну и требовали мира. Никаких помещений для них приготовлено не было, и они располагались в комнатах вместе с нами, пря-

мо на полу. Мы с ними делились продуктами, которые захватили из дому, показали, как пройти в столовую.

На второй день нам, кроме дежурства у пулеметов, поручили проверять пропуска в Смольный.

Накануне 25 октября (7 ноября) Смольный был полон людьми — делегатами съезда, красногвардейцами, революционными солдатами и матросами; он гудел, как огромный улей.

В ночь с 24 на 25 октября (с 6 на 7 ноября) в Смольный прибыл Владимир Ильич Ленин[1]. Он поместился на втором этаже, в небольшой комнате. Нашей путиловской пулеметной боевой дружине оказали высокую честь: поручили охрану великого вождя революции.

Обстановка в это время в Смольном была очень напряженная. Меньшевики и эсеры распускали самые невероятные провокационные слухи, рассчитанные на деморализацию красногвардейцев и революционных солдат. Пытались запугать нас, уверяли, что Керенский для разгрома Смольного бросает 50 батальонов георгиевских кавалеров и 40 офицерских батальонов. Но красногвардейцы были не из пугливых. Нас закаляла в революционной борьбе партия большевиков, и мы были всегда готовы встретить вылазку буржуазии во всеоружии. Смольный ощетинился штыками, пулеметами и орудиями.

Днем 25 октября (7 ноября) в Актовом зале происходило заседание Петроградского Совета. Мы услышали гул голосов. Не зная, в чем дело, схватили винтовки и бросились в коридор. Но тревога была напрасной: это участники заседания восторженно приветствовали появившегося на трибуне Владимира Ильича Ленина.

Нам тоже удалось прослушать часть его речи о необходимости перехода всей власти в руки рабочих и крестьян — о власти Советов. Эту историческую речь Владимира Ильича нам прослушать до конца не пришлось, так как нас вызвали на боевые посты.

К 25 октября (7 ноября) съехались все делегаты II съезда Советов. Вскоре после открытия съезда в коридоре раздались крики, шум. Мы, находясь недалеко от зала заседаний, сразу же схватили свои винтовки и выбежали в коридор. Оказалось, что кучка меньшевиков и других приспешников буржуазии подняла шум на съезде, но, встретив дружный отпор делегатов, она вынуждена была отступить. Выкрикивая злобные ругательства, эти агенты контрреволюции покидали зал заседаний. А весь съезд провожал их возмущенными возгласами: «Вон отсюда! Долой предателей!»

[1] В. И. Ленин пришел в Смольный вечером 24 октября (6 ноября). *Ред.*

В штаб Октябрьской революции беспрерывно шли донесения: такой-то завод выслал на штурм Зимнего дворца столько-то вооруженных красногвардейцев; крейсер «Аврора» дал по Зимнему залп; Зимний взят; Временное правительство арестовано...

В эту историческую ночь в Смольном никто не спал. Только на заре он притих.

В 11 часов утра 26 октября (8 ноября) дежурный по караулу Смольного разбудил меня и сказал, что меня вызывает Владимир Ильич на доклад. Я никак верить не хотел этому, думал, что дежурный смеется надо мной. Но он заявил:

— Ведь ты вчера вечером и всю ночь держал связь с Нарвским районом, вот и иди, докладывай...

Когда я убедился, что дежурный не шутит, меня охватило несказанное волнение: сумею ли рассказать о том, что знал?

Думал, думал и придумал: вместо доклада сделаю рапорт — наизусть его выучу и отрапортую. И тут же начал зубрить. Когда мне показалось, что выучил, пошел к Ильичу. У дверей в комнату Ильича стояли наши красногвардейцы. Они знали о вызове и сразу же пропустили меня.

Когда я вошел в комнату, Ильич сидел за небольшим столом и что-то писал. Моего прихода он не заметил. Подойдя к его столу, я взял под козырек и слегка стукнул каблуком. Ильич, услышав этот стук, поднял голову и взглянул на меня. Я уже совсем приготовился произносить слова заученного мною рапорта, но Владимир Ильич, видя, что я стою навытяжку, с рукой под козырек, быстро поднялся со стула и замахал обеими руками, произнося при этом:

— Что вы, что вы, бросьте! Садитесь и расскажите.

Когда Владимир Ильич усадил меня на стул против себя, весь мой заранее подготовленный рапорт вылетел из головы, я просто стал рассказывать Ильичу о том, что знал и видел, о настроении путиловских рабочих. Ленин слушал и продолжал что-то писать. Я замолк, подумав, что мешаю ему. Тогда Ильич поднял голову и сказал:

— Продолжайте, продолжайте, я слушаю вас.

Я рассказывал о настроениях рабочих, об их взглядах на Советскую власть. В. И. Ленин стал задавать мне вопросы. Помню такой вопрос: «А как женщины, довольны Советской властью?»

Позднее я узнал, что В. И. Ленин вызывал связных красногвардейцев и из других районов, расспрашивал их о настроениях рабочих, об их нуждах.

Этих событий мне никогда не забыть! Я всю жизнь буду помнить, как в первые дни Советской власти рассказывал в Смольном великому Ленину о жизни и настроениях рабочих Путиловского завода.

Печатается по пятитомному изданию:
Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине.
М., 1984, т. 2, с. 458—460.

А. А. Андреев

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ [1]

Ленин на II съезде Советов в октябре 1917 года

Открытие II Всероссийского съезда Советов было назначено на 25 октября. Смольный, где открывался съезд, представлял собой незабываемое зрелище, походил на боевой лагерь. Был темный и холодный петроградский вечер. Перед Смольным горели костры. Приходили и уходили, получая назначения, вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов. У входа в Смольный стояли орудия, броневики.

Я хорошо помню первые бурные дни Февральской революции в Петрограде. Приходилось тогда быть и на улицах, участвуя в демонстрациях, бывать и в Таврическом дворце, где обосновался Петроградский Совет депутатов и куда стекались со всех сторон рабочие заводов, роты и полки солдат, экипажи балтийских матросов, чтобы выразить свою верность революции. Переодетая в солдатские шинели полиция в упор стреляла на Невском в толпу демонстрантов, обстреливала народ из пулеметов с чердаков, а люди, несмотря на все это, снова собирались и шли. Все понимали, что царизм сгнил, падает и нет у него никакой поддержки ни в стране, ни в столице. Но тогда было у людей какое-то другое настроение — опьянения, ощущения свободы при сравнительно легкой победе. Теперь же, в октябре, у восставших рабочих и солдат было что-то другое, было

[1] Из воспоминаний. *Ред.*

какое-то соединение уверенности, решительности и сосредоточенности. В феврале преобладала бьющая через край стихийность — тут во всем был необычайный революционный подъем и вместе с тем организованность. Это была другая революция. Теперь борьба предстояла посерьезнее и с другим врагом — объединенными силами буржуазно-помещичьей и кулацкой контрреволюции, получавшей прямую поддержку международного империализма.

В зале заседания задолго до открытия съезда собрались делегаты. Шли заседания фракций. Съезд открылся поздно вечером. Меньшевики и эсеры, оказавшиеся на съезде в жалком меньшинстве, пытались поднять шум по поводу происходящих на улицах Петрограда событий, но, получив дружный отпор большинства, ушли со съезда. «Левые» эсеры и часть меньшевиков остались.

На первом заседании Ленин не присутствовал: он руководил вооруженным восстанием и в этот же день выступал в Петроградском Совете.

Съезд утвердил порядок дня. Важнейшими вопросами были вопросы о мире, о земле и образовании рабоче-крестьянского правительства. С огромным воодушевлением съезд принял написанное Лениным обращение к рабочим, крестьянам и солдатам, в котором объявлялось о победе восставших петроградских рабочих и солдат, о свержении Временного правительства, о том, что отныне вся власть переходит в руки Советов. В обращении съезда в сжатой форме была изложена программа ближайших шагов Советской власти: речь шла о предложении немедленного демократического мира, о передаче помещичьих земель крестьянским комитетам, о рабочем контроле над производством, о доставке городам хлеба, а деревне товаров, о праве наций на самоопределение.

В ходе съезда делегатам все время из президиума сообщалось об успешном развертывании восстания. Взятие Зимнего дворца было встречено бурными аплодисментами. Первое заседание съезда окончилось поздно ночью; большинство делегатов съезда так и не расходилось из Смольного до следующего заседания.

Вечером на другой день началось второе заседание. Первым вопросом был доклад о мире. Когда Ленин появился на трибуне, весь зал поднялся и сдвинулся к трибуне, где стоял Ленин. Он долго не мог начать свою речь из-за непрекращающихся аплодисментов и возгласов: «Да здравствует Ленин!»

В зале заседания творилось что-то невероятное. Аплодисменты перемешивались с криками радости. Тут уж были не только делегаты

съезда, зал наполнился до отказа находившимися в Смольном рабочими, солдатами и матросами. Люди становились на подоконники, выступы колонн, на стулья, лишь бы увидеть стоявшего на трибуне Ленина. В воздух летели шапки, кепки, матросские бескозырки, мелькали поднятые вверх винтовки. Так, стоя, съезд выслушал доклад Ленина о мире.

Ленин начал доклад с указания на то, что вопрос о мире является наиболее жгучим и больным, и тотчас перешел к зачитыванию декрета о мире, предлагаемого партией большевиков на рассмотрение съезда. В декрете предлагалось всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о мире на условиях отказа от захвата чужих земель и контрибуций, немедленного заключения перемирия. Советское правительство отменяло тайную дипломатию и заключенные тайные договоры.

Ленин в докладе и в заключительном слове особо подчеркивал, что наши условия переговоров не должны носить ультимативного характера. Мы должны лишить сторонников продолжения грабительской войны выигрышного положения, и мы готовы рассмотреть и другие предложения. Это не может быть истолковано как наше бессилие. Надо отбросить буржуазную фальшь о силе. Сила, по буржуазному представлению, говорил Ленин, это когда массы идут на бойню, повинуясь указке империалистических правительств. По нашему же представлению, государство сильно сознательностью масс, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Как бы предупреждая о трудностях, он говорил, что правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и потопить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но народ всюду устал от войны, ширится революционное движение в других странах.

После обсуждения доклада, которое вылилось, по существу, в демонстрацию поддержки внесенных Лениным предложений, съезд с большим подъемом, дружно одобрил декрет о мире. Этот декрет, написанный Лениным, замечателен тем, что в нем со всей прямотой говорилось о мирной политике Советской власти с первого же момента ее существования. В декрете съезда были заложены основы всей дальнейшей мирной политики Советского правительства и нашей партии.

Дальше съезд перешел к рассмотрению вопроса о земле. Снова на трибуне Ленин, встреченный бурными аплодисментами. Его выступление было кратким, он говорил о том, как важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Свергнутое правительство, меньшевики и

эсеры всячески оттягивали решение земельного вопроса и привели страну к разрухе и крестьянским восстаниям.

Земля, говорил Ленин, должна быть передана крестьянам. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле. Ленин читает декрет о земле, которым помещичья собственность отменяется, все помещичьи земли, как и земли удельные, монастырские, с постройками, живым и мертвым инвентарем, переходят в распоряжение земельных комитетов и Советов. Ленин тут же пояснил, что в декрете помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. Как демократическое правительство, заявил Ленин, мы не можем обойти постановление народных низов. Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Суть в том, чтобы крестьянство получило полную уверенность, что помещиков в деревне больше нет. Так был решен одним взмахом в самом начале социалистической революции вековечный вопрос о земле.

Краткостью своего доклада, сжатостью его Ленин как бы подчеркивал, что наступило время практических действий, что социалистическая революция и Советское правительство с первых своих шагов решительно, без лишних слов, без проволочек, по-деловому разрешают вопросы восставшего народа.

Близилось утро. После единодушного принятия декрета о земле съезд избрал первое в мире Советское правительство во главе с гением пролетарской революции В. И. Лениным. Так началась новая, социалистическая эра человеческой истории.

Печатается по пятитомному изданию:
Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине.
М., 1984, т. 2, с. 464—466.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕНИН
В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА

Сборник воспоминаний

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *А. Р. Лопаткин*
Младший редактор *М. Ю. Мухина*
Художник *Б. Г. Попов*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Е. Ю. Тихомирова*

ИБ № 5767

Сдано в набор 27.05.86. Подписано в печать 12.08.86. Формат $70\times108^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 0,70. Усл. кр.-отт. 0,88. Уч.-изд. л. 0,78. Тираж 160 тыс. экз. Заказ 1904. Цена 5 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

5 коп.

«Не забыть Владимира Ильича Ленина в тот великий час! Он провозгласил знаменитые первые декреты Советской власти — о мире, о земле. Проницательный, полный энергии и мысли взгляд Ленина был устремлен вперед — он видел то, что мы еще не видели: провозглашаемые декреты в их живом воплощении, будущее, которое предстояло завоевать».

А. М. Коллонтай

Политиздат